

КРОКОДИЛ

Цена 15 коп.

№ 1

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

МОСКВА, ЯНВАРЬ 1927 г.

3.396
27

556-116
Книг 23, 36, 29, 41, 42, 46.
Стр 48

ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ГОД.

МАНДАТ

Дан сей Новому Году в том, что он действительно является 1927-м.
Просьба ко всем учреждениям, организациям и должностным лицам оказывать ему всяческое содействие в исполнении задач, возлагаемых на него рабочим классом и партией.

— Почему же этот мандат никем не подписан?
— Чудак! Да под ним весь рабочий класс подписывается!

(По образцам ушедшей и пришедшей литературы)

Рис. К. Елисеева

ПОФАРТИЛО

(Артем Веселый)

I.

СПОТЫКАЧ С КИЛЬКОЙ

(Ари. Аверченко)

Толстый чиновник Акакий Илларионович Шляпочкин посмотрел на собравшихся взглядом пожившего и поевшего человека и начал:

— Расскажу я вам, дорогие мужчины и славные дамочки, о том, как бывало у нас под новый год кушано. Кушали мы прочно. И однажды, помню, кушали мы блины. Ну, известно, — блинки с икоркой, со сметаной. Покушавши блинков, приступаем мы к гусю. Гусь же — птичья порода и без портвейна в глотку не пойдет. Так-с. Покушали это мы гуся. Глядим — несут поросеночка под хреном. И поросеночек не плох, но тут поднимается Иван Иванович Калакуцкий и заявляет протест:

— Протестую, говорит, и возражаю: после гуся, говорит, не потребляю пороса. После гуся, говорит, надо же ж супу же. А вы свинку мне подкладываете. Обидно даже!

После того, полгода не проживши, помирает этот самый Иван Иванович. И отчего бы, вы думали, помер человек? Холодной телятинки переел и спотыкачем не запил. Добро бы еще с гуся помереть, а то... Ну, да ладно, помер и нету, а живым нам кушать надо же ж. Вот, значит, кушаем это мы. Как вдруг смотрим: замолчал на семнадцатом блюде Андрей Петрович. Открыл свое хайло и — ни тпру, ни ну. Что так? Почему такое? А ну, говорю, суньте-ка ему в глотку минимальную кильку. И, представьте вы себе, — даже килька не пролезла. Во как ели! Теперь уж не так едят! — молвил со вздохом толстый Шляпочкин и замолчал, облизываясь...

II.

ВПЕРЕДИ..

(Ю. Либединский)

Сознательный товарищ Сергей Массовый высоко поднял бокал, на котором адела надпись: «Да здравствует красная трезвость!». Пенился в бокале крепкий китайский чай, как символ нашей дружбы с пробуждающимся Востоком.

Товарищ Массовый говорил:

— Я поднимаю бокал за поднятие производительности труда, за ликвидацию безграмотности и за снижение цен в госрознице!

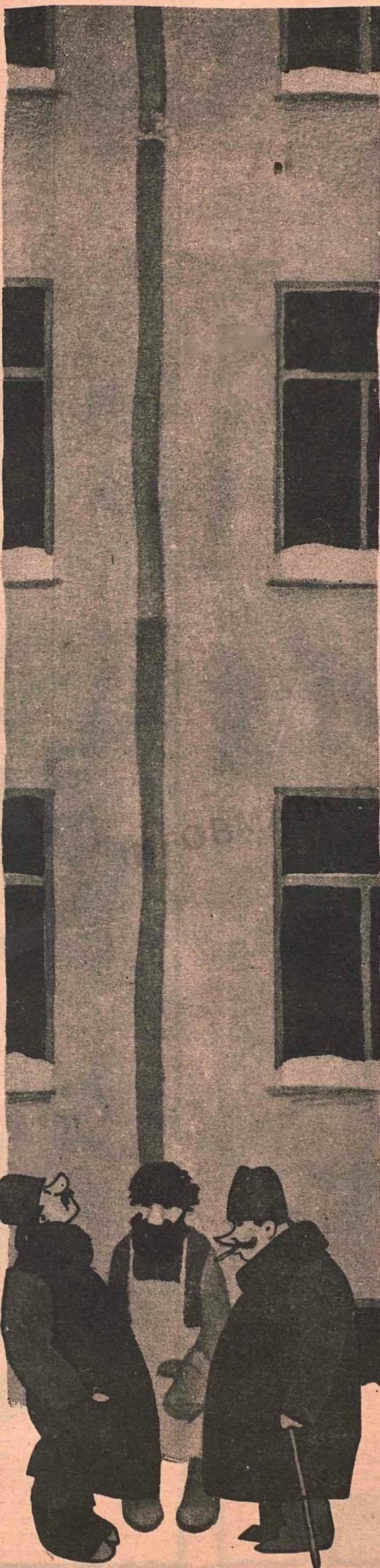
Следующим выступил товарищ Агитпропов. В его высоко поднятом бокале пенился лимонад. Клавдия Алимент шаловливо подлила в бокал Агитпропова шипучее сидро.

— О, что вы! — воскликнул товарищ Массовый, — разве можно смешивать напитки? Ведь, получится ерш, и товарищ Агитпропов не сможет увязать свое слово с новым годом!..

Бил двенадцатый час.

Товарищи-собравшиеся обстоятельно прорабатывали чайную колбасу и согласовывали ее с горчицей.

Сознательное время двигалось вперед.

— Ух, чорт! Куда меня вселяют — на шестой этаж!

— А ты, товарищ, не горюй! Дом — новый, он еще сядет!

Не будем карячить о том, как наш браток за счет новых годков подкармливался. Майна — вира с фартом и — четыре сбоку, ваших нет!

Маньку Башмалу Мишка Шкворень поддел. Манькину голову с плеч спихнул:

— Рост в ей слишком длинный. Без головы все ж таки фигура покорооче станет!

Манька — сука. Обратное заявление подает за изнасилование. Но ничего — обошлось.

И ковырял сукин сын Мишка кистенем в зубе, об'являл:

— Будя!.. попито! Старое в доску отменено. И остается раз навсегда новый в нас годик, без никаких старых годков. Будя... фатит гнать в огонь, в тряпочки, в бабий вой, в вашу тифозную, в чорт те что. Вира!!

IV.

ДОВОЕННОЕ КАЧЕСТВО

(М. Зоценко)

Вот издрате, дорогие гражданчики, гражданята и товарищи. Сам я есть тоже, конечно, гражданин, хотя по церковной выписи из ЗАГС'а — как раз я — городской мещанин. Вот тут и выходит! А что выходит? А то выходит, что нету у нас, извините, довоенного качества. К примеру же и расскажу.

Вот, например — я. И вот, например — новый год. Очень прекрасно. Сажусь за обеденный столик. Сел.

Так-с. Хорошо. Ничего себе.

И что тут, например, получается, граждане — прямо удивительно. Елки и палки! Русская вобла заграничной килькой прикинулась и лезет в ревельскую коробочку. Как? Что? Почему? Ну, конечно, на девятом годике очень даже это обидно. Елки, говорю, палки. Какая же ты, говорю, килька, ежели ты есть окончательно вобла? А она молчить. Как это так индифферентно, говорю, ты молчишь? Тебе говорят? Мне — отвечает. — Только разговаривать я с вами, гражданин, совсем не буду. Потому, говорит, что есть я немая рыба и разговаривать мне никак не положено. Ну, туда - сюда. Смотрю — сыр без слезы. Куда же это, кричу, слеза подевалась? Какое ж это к чорту довоенное качество, ежели сыр без слезы?

И вот — издрате — призывают меня в домком и намекают на общественную тишину и беспорядок.

— Напрасно вы, говорят, гражданчик, панику порете. Не будет больше вам слезы в сыре. С самого Октября у нас вышеуказанные слезы упразднены!

И вот вам издрате, дорогие товарищи-граждане, вот как все наоборот получается, елки-палки!

И вот издрате — под самый новый год кушаю с семейством сыр государственный и собственной слезой давлюсь. Издрате — за что же ж мы, граждане, боролись?

Л. Митницкий